

анита фротсак
осторожно - питер!

Данное произведение ТЕПЕРЬ входит в новый большой сборник: "ОСТОРОЖНО - ПИТЕР! - И ДРУГИЕ ЗАПРЕДЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ"

(ISBN 978-966-529-194-7)

1.

Страховой агент Гарри Погосян вечер пятницы встречал мигренью. Последняя клиентка сказала "нет", а это значило, что страховаться ей не к спеху. Мелочь всякую страхуют, машины, собак, одежду, дачи, а себя - хронически не к спеху. В понедельник предстоит разговор с начальством, может быть, даже уволят. Придётся искать новую контору. Он бы и эту не нашёл, если бы не Павлик.

Павлик к работе подходил творчески, ему как-то удавались две-три крупные сделки в неделю. Методы свои он не держал в секрете, он их даже афишировал, но Гарри эти методы считал издевательством над личностью.

Выехав за город, Гарри, как и ожидал, очутился в пробке. Предвечерняя жара добавила ощущений. Пришлось закрыть окна, включить кондиционер. Холодный воздух изменил ход мыслей, и Гарри, наконец, почувствовал, что Павлик прав и что его хоть раз надо бы послушать. Потому и не стал возвращаться с полдороги, поехал дальше. Будь что будет.

Через полчаса справа от шоссе появилась узкая речушка. Она то петляла, то вовсе исчезала с глаз, то неожиданно появлялась. Наконец, полезла прямо под проезжую часть, в том месте, где мост, и взяла резко влево. Справа, откуда она удрала, располагался крошечный посёлок. Переехав мост, Гарри повернул туда и, наконец, смог прочитать на указателе название посёлка: оно совпало с именем искомого объекта. Вперёд!

Потрясённый собственной решимостью, Гарри набрал номер Павлика, дабы отчитаться, но вместо похвалы ему сыграли Баха на автоответчике.

Колёса, мягко громыхнув, съехали с бетонной трассы. Старый "ауди" запрыгал по неровным пыльным колеям, как слепая курица по соседским грядкам. Вот она: Межевая, дом 30. Ворота старые, давно не крашенные. Странное убожество по такому адресу! Павлик утверждал, что хозяйка крутая, хотя и старая. Почти утиль. Зато сговорчивая.

На часах было шестнадцать тридцать, а клиенткины мероприятия, по словам Павлика, начинались не раньше восемнадцати. Значит, было время искупаться - перед тем как залечь на пляже, согласно всё той же инструкции.

Пока Гаррик думал, как лучше проехать на пляж, к вышеупомянутым воротам подошла старуха с хозяйственной сумкой и с подагрой на всех четырёх конечностях. Из ветхих босоножек выпирали "пальцы крестиком". Пытаясь разглядеть её лицо, Гаррик потерпел фиаско: косынка была по самые брови, а глаза прятались за толстыми линзами очков.

Старуха покопалась в сумке, потом, беспомощно махнув рукой, задумалась, подняв подагру к подбородку. Была ли ямочка на подбородке и брила ли она усы, видно не было по причине стойки карги спиной к Гаррику. Чувствовала ведьма, что за ней следят, или просто так остановилась? Да кому она нужна, кляча старая!

После раздумий кляча хлопнула себя по лбу и, вынув из кармана растянутой кофты ключи, отперла ворота. Догадалась-таки, где ключи, хотя и не с первого раза. Не оглянувшись, карга вошла во двор и исчезла за воротами. Вероятнее всего, то была хозяйкина прислуга. Значит, рандеву Гаррика с крутой хозяйкой будет проходить под присмотром. А почему хозяйка должна рисковать?

Выйдя из машины, Гаррик медленно пошёл к воротам. Рядом с ними плавал запах богадельни, знакомый с детства: сладковато-приторная вонь, с примесью мочи и хлорамина. Мама бабушку держала в доме престарелых, когда ушёл отец. Видимо, где-то поблизости располагалась богадельня, а эта курица там батрачила. Параллельно батрачила на хозяйку особнячка. Особнячок был с виду хреновенький, но по длине солидный - метров двадцать.

Гаррик решил, что хватит мечтать, что пора искать песчаный пляж, указанный Павликом в сообщении. Там ему предстояло улечься в западной позе, бросая томные взгляды на главный фасад, на тот, которого пока не видно. Нарядные окна особнячка, согласно информации, выходили на песчаный пляж, а на задний двор, на некрасивый, смотрели восемь убогих окошек с перекошенными ставнями. Они грустно пялились на старые, давно не крашенные ворота.

"Изнутри особнячок, скорей всего, блистает капремонтом", - думал Гаррик. - "Может, там и кондиционеры имеются. А с внешней стороны, надо понимать, маскировка. Теперь это у новых русских принято".

С виду мягкий песочек, периной брошенный к берегу, удивил торчащими булыжниками - минимум с кулак. Навскидку самосвалов пять насыпали, а толку? Ляжешь и тут же встанешь, весь покрытый синяками. И мероприятие так же пройдёт, с сюрпризами, так и будет, от Павлика другого трудно ожидать - хороший вариант он приберёт бы для себя. Эх, не надо было соглашаться, лучше бы с мамой на дачу поехал, помог бы по-сыновнему. Мама, уезжая, помахала на прощание ласково, понимающе. Знала, что клятая работа не пускает Гаррика в деревню. А то бы помог.

Мама смылась оперативно: схватила грабли, ведро, лопату и - на электричку. Только за ней захлопнулась дверь - бац! - снова мэйл от Павлика: "Срочно приезжай, принимай смену. У меня есть более кайфовый вариант. Не разорваться". Дальше шли подробный адрес и инструкция. Пляж-перина подробно не описывался, но указывался в качестве ориентира.

Павлику легче жить, его мама на дачу с граблями не мотается, ей это ни к чему - при таком-то богатом сыне. Он ей прямо сказал: "Как только дачу купим, никаких овощей и фруктов, одни цветы. Будешь отдыхать, в кресле-качалке качаться или в гамаке висеть, свежим воздухом наслаждаться". Павлик многое может позволить - и маме, и себе.

У Павлика кроме Гаррика куча сменщиков, жаждущих исполнить роль жиголо. Интересно, почему он именно на Гаррике остановился?

2.

Лежать, уткнувшись носом в золотой песочек, разрешалось не более пяти минут. По инструкции. Да и по обычной логике находиться в позе трупа слишком долго неприлично - когда на носу такое мероприятие! Согласно инструкции, Гаррик должен был на пляже изображать то ковбоя в шляпе из газеты, то качка, то акробата. Старухи не любят лентяев, поэтому антракты дозволялись исключительно короткие.

Подняв глаза на особняк в очередном антракте, Гаррик радостно отметил, что его увидели. Перестав играть мышцами, он начал складывать подстилку и тащить её к машине, как бы желая показать, что собирается уехать. Павлик просил быть не очень навязчивым, вдруг клиентка не оценит фактуру. Тогда останется одно: элегантно смыться. Гаррик, кстати, был отнюдь не против такой концовки.

От террасы длинного особняка отделилась расфуфыренная дама в блестящих побрякушках и огромных сабо, подчёркивающих тонкие старческие шиколотки. Всё туловище было в шёлковых обмотках типа сари. Кинодива на отдыхе в Каннах! Но походка, всё же, выдавала возраст. Вспомнилась картина художника Поленова: внучка тащит старую барыню по аллее сада. Роль внучки исполнял мужик в камуфляжной форме. Раз барыня крутая, то и охранник должен быть. Пусть пожилой, но охранник.

Гаррик снова набрал номер Павлика, чтобы посоветоваться, но снова был поприветствован Бахом. Взял было на понт, мол, хорош прятаться, приятель, отвечай немедленно, а то я из-за тебя композитором стану! Но Павлик не отзывался. Видно, действительно был занят.

Парочка приближалась, поля огромной шляпы дамы колыхались. Кобура на поясе охранника тоже колыхалась - почти что в такт. Памятуя инструкцию, Гаррик повернулся к ним спиной и стал одеваться. Не слишком быстро. Инструкцией категорически запрещались резкие телодвижения, равно как и чрезмерное покрытие тела одеждой.

Судя по шагам, парочка приблизилась вплотную. Гаррик сделал удивление на лице, захлопал ресницами и пожал плечами - опять же согласно предписаниям. Павлик много раз предупреждал, что клиентка очень щепетильна и ненавидит, когда с ней заигрывают внаглую.

Охранник сделал шаг назад, слегка тряхнув дряблым "индюшачьим" подбородком. Нормальная дрессура! Смышлёный страж, хотя и старенький. Почти такой же старый, как его хозяйка.

От хозяйки пахло французскими духами, но не только. Был ещё какой-то запах... Точнее, смрад! Откуда-то снова повеяло богадельней. В тех местах богадельня, судя по всему, главный отравитель воздуха, примерно как в Макеевке коксохимический завод. Гаррик решил, что будет вдыхать эти ароматы не очень долго - прямо пропорционально будущему гонорару. Если таковой ему светит вообще.

У старухи, как и у её служанки, была подагра. Эпидемия, что ли, местная? Но подагра подагре рознь. Эта подагра была в дорогих перстнях, а значит и диагноз более интеллигентный: ревматизм. "Пальцы крестиком" на ногах были не видны, так как мощные сабо закрывали практически всю стопу. Половину лица клиентки закрывали шикарные очки с дымчатыми стёклами. Сквозь эти стёкла на Гаррика смотрели умопомрачительной доброты глаза. Прямо как мамыны! Нет, ещё добрее. Из декольте слегка высовывалась пачка денег - руликом, тысяч пять рублей. Рука с перстнями коснулась его локтя. Поехали!

- Вы Гаррик? - спросила клиентка ласковым голосом.

- М-да...

- Тогда это - вам... Задаток!

Доставая рулик из-за пазухи, старуха повернулась спиной к охраннику. А тот не очень-то и любопытствовал.

- Это... от Павла? - с замиранием сердца процитировал Гаррик очередную фразу из инструкции. Руку он протягивать не спешил.

- Зачем нам Павел, когда мы уже... с ВАМИ познакомились?

Последние слова были шёпотом. Старуха явно кокетничала, намекая, что смотрины удались. Как бы там ни было, часть гонорара выделена. Даже если и придётся сматываться, то получится, что он, всё-таки, не зря приехал.

По дороге к дому старуха ковыляла рядом с Гарриком, цепляясь за его спортивный локоть, а дряблый охранник шёл сзади. Шёл и курил. В связи с чем старуха поминутно оборачивалась, отгоняла дым, прикрывала ноздри и всё сильнее прижималась к Гаррику. Это послужило их сближению.

- Вам Павел сообщил, по какому поводу наша встреча?

- Разумеется, - прошептал Гаррик, стараясь выдохнуть как можно тише.

- Что-что?! - не расслышала старуха.

Пришлось энергично кивнуть головой.

Когда процессия подошла к воротам, хозяйка дома вспомнила, что не представилась:

- Меня зовут Лидия Григорьевна!

Гаррику позволили приложиться к перстню, и он представил, что целует руку дону Корлеоне. Интересно, кем он будет представлять Лидию Григорьевну во время акта... Ну, когда уже таки придётся... Нет, раньше времени лучше не расстраиваться, вдруг, всё-таки, удастся избежать интима. Вдруг хозяйка разомлеет от жары, примет капли и заснёт! Тогда Гаррик выскользнет в окно, метнётся к "ауди" и... Кстати, "ауди" лучше перегнать поближе к дому. От греха. Пускай охранник поработает.

Лидия Григорьевна по просьбе Гаррика дала команду дряблему охраннику насчёт машины. Тот послушно развернулся на сто восемьдесят градусов и посеменял к реке.

3.

Лидия Григорьевна пригласила Гаррика в сад и немного поводила между клумбами. Внутри особняка вошли не через главный вход, который по традиции был заколочен, а через дверь охранницкой каптёрки. Перед каптёркой тоже было крыльцо, но не такое нарядное, как перед террасой. Вполне рабочее крыльцо.

Проходя через каптёрку, Гаррик не сдержался и обшарил быстрым взглядом стены. Среди оружия и биноклей на стене висели фото красоток. Извращенец!

Сквозная каптёрка охранника, она же проходная на территорию "дворца", уже тем хороша, что она есть. Там и остался верный страж, дальше не пошёл, тактично самоустранился. Но где же прислуга с подагрой? Где следопыт, пропахший формалином, хлоркой и фекалиями?

Войдя в длинный, как кишка, коридор, деливший здание строго пополам, Гаррик отметил, что чисто визуально узкий коридор был намного длиннее особняка. В многочисленных дверях не обнаружилось ни одного замка: ни всяческого, ни врезного - никакого. Не было замочной скважины и на двери, через которую они вошли в опочивальню. Имелась только хлипкая дверная ручка. Значит, прислуга могла ворваться в любой момент, поинтересоваться, не надо ли чего.

На секунду в самом конце коридора, со стороны каптёрки, мелькнула фигура охранника и сразу же исчезла. "Грамотный охранник", - снова мысленно похвалил стража Гаррик, - "Следит за новым гостем неусыпно, как положено". И этот бы не прочь был ворваться, да хозяйка, скорей всего, будет против, не захочет красоваться в неглиже перед старым мужланом. Гаррик - другое дело!

Воздух в опочивальне Лидии Григорьевны был прохладнее, чем в коридоре. Работал кондиционер. Не такая уж и бедная хибарка! Как и предвидел Гаррик, комната хозяйки была отделана со вкусом, дорого, в современном стиле и, судя по всему, совсем недавно. Мебель тоже была новомодная. Из всех углов шёл запах корвалола. Гаррик внутренне возликовал: похоже, он не зря надеялся, свидание долго не продлится. Не будет на то сил у Лидии Григорьевны. Та, как бы между прочим, скинула прозрачное сари и начала, стоя посреди комнаты, расстёгивать молнию узкого шёлкового корсета. Гаррик покосился на дверь. Взгляд клиентки упал туда же.

- Ничего не бойтесь, кроме нас двоих и охранника в доме никого нет! - заявила старая, пока ещё потенциальная, ничем не проявившая себя любовница.

Гаррик галантно направился к ней, хотел, согласно инструкции, помочь расстегнуть молнию до конца. Он уже представил, как его будет тошнить в ближайшую минуту, даже прикрыл глаза, пытаясь вызвать чей-нибудь виртуальный образ - помоложе, поизящнее, покрасивее... Но старуха неожиданно оттолкнула его руку.

- Давайте не будем спешить! Что-то мне от сегодняшней жары нехорошо... не по себе как-то...

"Класс!" - развеселился Гаррик и наметил подходящее окошко для побега. Скорей бы старая отключилась!

Хозяйка снова перехватила его взгляд. Она направилась к окнам, закрыла их на бронзовые щеколды, а вслед за тем и шторы задвинула. Образовался полумрак.

Затем Лидия Григорьевна, в полурасстёгнутом корсете и нижней юбке в стиле "haute couture", подошла к расстеленной кровати, наклонилась к тумбочке, выдвинула ящик, взяла какие-то бумажки и стала ими любоваться. Бумажки напомнили Гаррику заполненные страховые бланки. Вот те на! Если она уже застраховалась (скорее всего, под давлением Павлика), то ему оставили исключительно роль жиголо! Ну, Павлик, погоди, если ты решил расплатиться за выгодный контракт чужим телом... Однако, прежде чем делать какие-либо выводы, необходимо было всё проверить.

Обмахнувшись бумажками, словно веером, старуха положила их обратно в ящик и в усталой позе села на кровати. Гаррик, сделав жизнерадостную мину, примостился рядом, томно прикрыв густые ресницы и почти так же томно вздохнув. Сквозь ресницы он увидел на стене, прямо у изголовья кровати, фото красоток: примерно тот же набор, что и в проходной каптёрке.

- Нравятся? - спросила Лидия Григорьевна.

- Кто это?

- Моя дочь и её подружки.

- Фотомоделями подрабатывают? - не придумал ничего лучшего Гаррик.

- Почему вы так решили?!

- По внешнему виду...

- По внешнему виду судят одни примитивы! Извините меня за банальность. Это выпуск группы юридического факультета.

- А почему тогда здесь одни барышни?

- Парни тоже имеются, но они на другом фото, на более официальном... На групповом! Его по моей просьбе скоро увеличат и повесят тут же!

Лидия Григорьевна лукаво глянула на Гаррика.

- А хотите угадать, которая из них моя дочь?

Гаррик посмотрел на девушек. Все как одна - супер! Ему ни разу в жизни на такую прелесть не везло, одни дешёвки попадались.

- Ну, и кто же из них моя дочь?

- Не знаю... Кто ваша - понятия не имею, зато вот эта - дочь вашего охранника! Её ни с кем не перепутаешь - одно лицо... Она что, вместе с вашей дочерью училась?

- Это и есть моя дочь Ада. Моя, а никакого не охранника! Разве может этот ангелочек быть одной крови с таким олухом!

"Действительно ангелочек!" - подумалось Гаррику.

4.

Гаррик продолжал кокетничать, пытаясь убедить старуху, что белокурая красotka вовсе не её дочь:

- Ну, присмотритесь хорошенько, ведь одно же с ним лицо! Она - вылитый охранник, хотя и жутко хорошенькая! Лично у меня сомнений нет...

- Ага! Осталось лысину прицепить! Только пусть сначала ОН САМ что-нибудь докажет! Пусть вообще скажет спасибо, что я позволяю им время от времени видаться.

- А эта ваша дочка... эта Ада... знает, кто её отец?

- Догадывается, но помалкивает. Видно, не хочет с родным папашей наследством делиться. Наследство-то огромное! Молодёжь всегда мечтает о наследстве, и моя Ада в этом плане не исключение... Я её знаю, как никто другой... дочуру свою младшенькую...

Гаррик удивился: откуда в нежной симпатичной девушке столько коварства. Ада... Такое имя ангелу не дали бы... Скорее уж - Исчадие Ада!

Вдруг Лидия Григорьевна схватилась рукой за сердце, потянулась к бутылке корвалола, но, так и не дотянувшись, захрипела и повалилась головой на подушку. Гаррик растерялся. Минуту-другую стоял не зная, что делать. Перед глазами почему-то замаячила тюрьма - то, чего он в жизни больше всего боялся. Но бежать было поздно: всё равно найдут и обвинят в убийстве. А если не бежать, то, может, всё и обойдётся. Он нагнулся, чтобы пощупать пульс. В ту же секунду в опочивальню ворвался охранник.

- Что вы с ней сделали?!

Гаррик нахохлился, приготовился к худшему, но, на его счастье, у старухи очень скоро заговорила совесть - оклемалась.

- Успокойтесь, Николай! Ничего он со мной не сделал и не собирался делать... Вполне порядочный молодой человек... рыцарь...

Немного попрыгав возле хозяйки, дряблый охранник схватил её подмышки и уложил поудобнее.

- Доктору позвоните, пожалуйста, - продолжала хрипеть хозяйка.

- Уже звоню!

Охранник вынул из кармана старомодный мобильник.

- И нотариусу...

- Нотариусу?! Уже?!

- Боюсь, что время пришло... Пора!

Старуха замолчала, вперившись глазами в потолок. Гаррик с охранником переглянулись. Вернее, Гаррик украдкой глянул на охранника, который в тот момент не сводил участливого взгляда со своей хозяйки. А может, и тайной любовницы до сих пор, кто его знает.

- И часто с ней такое? - шёпотом поинтересовался реабилитированный.

- Впервые, - не дрогнув щекой, парировал страж.

"Настоящий вояка - что бы ни стряслось, держится спокойно", - восхитился Гаррик.

Дозвонившись до доктора и до нотариуса, охранник попросил у "провинившегося" машину. Гаррик немедленно согласился, посчитал эту просьбу за честь.

Лидия Григорьевна заснула и проспала минуты две, даже всхрапнула. Затем её глаза открылись.

- Что со мной было, как вы думаете?

- Вероятнее всего - сердечный приступ, - брякнул Гаррик первое, что в голову пришло.

- А где доктор?

- Ещё не приехал. Вы охранника просили, чтоб он их обоих привёз: и доктора, и нотариуса...

- Ах, да... Всё, что ни делается, к лучшему. Этот припадок окончательно убедил меня в неотложности некоторых процедур, важных не так для моей персоны, как для наследников... Для обожаемых родственничков и друзей семьи!

Последние слова были произнесены с сарказмом. Старуха тяжело вздохнула и, не без помощи Гаррика, уселась на кровати. Внезапно за окном послышались голоса. Больная вновь схватилась за сердце, резко вытянулась на кровати и затараторила:

- Это она! Моя дочь! Легка на помине... Словно чувствует мою близкую кончину...

- А у вас ещё есть дети?

- Сын. Но он вполне самостоятелен, ему от меня ничего не нужно, давно живёт отдельно... за границей... Уезжая, даже отрёкся от завещания... Письменно... чтобы Адочка не волновалась... Но я всё равно решила не баловать её... Ладно, потом, всё объясню, потом...

Лидия Григорьевна резко замолчала и закрыла глаза.

С улицы, помимо напугавших старуху голосов, донёсся также шорох колёс "ауди". Через полминуты в опочивальню ворвались несколько персон: доктор с охранником, нотариус и девушка с фотографии, та самая, которая смахивала на охранника.

5.

В той суете на Гаррика никто не обратил внимания, казалось, можно было бы и смыться, но не хотелось терять дополнительный гонорар. Ведь должны же были ему ещё кое-что выплатить, ведь не зря же старуха развлекала его рассказами про дочурку. Или ей просто делать нечего было? Гаррик решил ещё немного подождать. Тем более что дочурка нравилась ему всё больше и больше: раздумянилась, распунцовелась, разрозовелась. "Ангел!" - снова мысленно произнёс он.

Неожиданно вся компания, как по команде, выскочила за дверь, непонятные прения продолжились в коридоре.

Старуха, казалось, уснула. Гаррик, сидя рядом с ней, тоже немного вздремнул. Ему приснилось, что делят наследство старухи, причём... в его пользу! Проснувшись, он обнаружил, что сон оказался в руку. Вернее, это обнаружилось не сразу, непосредственно по пробуждении ему ничего такого не сообщили, ибо всем по-прежнему было не до него. Да и сообщать-то пока что было нечего - про сон Гаррика никто не знал, а самим догадаться, чем дело кончится, им было слабо. Лица у всей компании были свирепые, все четверо с шёпота снова перешли на крики. Собственно, от этих криков Гаррик и проснулся. Громче всех орала дочура:

- Мама, как ты могла так долго скрывать от папы такую тайну?! Это не по-человечески! Хорошо, что выдался случай...

- Ага! Ещё скажи: "Хорошо, что ты при смерти!" Молодец, дочура...

Мать смотрела на дочуру умиленным взглядом, сознательно дала ей доиграть спектакль, выгородила в своём роде. Ведь и раньше знала барышня, кто её отец, так зачем сейчас-то было комедию ломать?

"Нет, никакой она не ангел. Какой она к чёрту ангел?!" - возмутился недавний провинившийся.

Лидия Григорьевна вдруг прытко села на кровати, вызвав всеобщий вздох отчаяния. Значит, не так уж она и плоха!

- Прошу всех выйти. На пару минут!

Гаррик первым ринулся к двери, но его остановили:

- Нет-нет! Вы-то как раз останьтесь, Гарри, мне нужно с вами говорить тет-а-тет...

Что с остальными сделалось!

Когда все вышли, кроме Гаррика, старуха громко произнесла свою предсмертную волю. За дверь сразу что-то рухнуло. Судя по звуку, упало чьё-то тело.

Гаррик сперва тоже чуть не рухнул, но потом опомнился и возликовал: даже трахаться не пришлось, на халяву куш отхватил!

Когда все снова собрались, Лидия Григорьевна повторила свой вердикт: почти всё переходило её новому, случайному знакомцу, то есть Гаррику. Почти всё. Парадокс! Гаррик посочувствовал собравшимся. Бедные люди! Их променяли, всех, вместе взятых, на жиголо!

Потом все снова вышли, включая и нотариуса, пообещавшего вернуться через полчаса с проектом завещания. Лидия Григорьевна показала им вслед язык и ехидно прошипела:

- Как вам весь этот спектакль? Хороши родственнички, а? А нотариус с докторишкой, а? Ведь тоже надеются, раскатали...

- Так вы это всё... понарошку?

- Какая разница! Гарри, вы ничего такого не подумайте, я не спятила, просто вы мне сразу стали как родной, я родственную душу чувствую на расстоянии! А если моя Адочка пожелает что-то получить, то... пусть выходит за вас замуж! Я в последнее время очень боюсь за неё: девочка связалась с богемой, с наркоманами...

Гаррик такие приятные речи слышал впервые.

- А давайте, пока нотариус бумаги распечатывает, я вас немножко развлеку!

- Да мне и так уже не скучно...

Лидия Григорьевна не унималась:

- Знаете, кто мой кумир по жизни?

- Кто? - вяло брякнул Гаррик.

- Вот! - старуха гордо кивнула на фото Майи Плисецкой, стоящее в красивой раме у неё на тумбочке. Рядом с Майей Михайловной стояло фото общероссийской "Люси", то бишь Людмилы Гурченко.

- Люся тоже моя фаворитка, но, к сожалению, страшная мямля, слишком мягкотелая... Р-р-размазня! Хотя, в принципе, я их обеих люблю.

"Кто бы сомневался, " - усмехнулся Гаррик. - "Обе-две - сушёные тарани в возрасте, подстать своей ненормальной фанатке". Он взял фотографии в руки, чисто из вежливости, бегло осмотрел и повернул их тыльной стороной.

- Автографов нет, к сожалению! - хихикнула старуха. - А вам из этих двух матрон которая больше нравится?

- Пожалуй, Плисецкая...

- Поддерживаю! Майечка кремень! А как несёт себя! Королева!

- Да, держится неплохо... Они обе королевы... в принципе...

6.

Люди в коридоре затихли, видать, совсем залякли. Или умерли от ожидания. А Лидия Григорьевна продолжала свои фокусы. Она взяла фото Плисецкой и стала покрывать его поцелуями. Словно Майя была её подругой или даже, страшно подумать, пассией. Поставив портрет на тумбочку, она торжественно приняла из влажных Гарриковых ладоней "Люсю". На ту она смотрела с меньшим энтузиазмом, во всяком случае, ни разу не поцеловала.

- Хм! "Всего один раз была на ипподроме"! Как вам это нравится?

- Неужели? Людмила Марковна ненавидит лошадей?! - вежливо, но с ехидцей изумился Гаррик.

- Не знаю. Я всего лишь процитировала обвинение в её адрес, выдвинутое нашим телевидением. Сволочи некультурные! Ну, вот как им не стыдно, а?! Видите ли, семидесятидвухлетняя кинодива мало бывает на дерби! "И шляпку специальную не справила"! Идиоты!

Она схватила с тумбочки два пульта, направила их в угол, где стояли телевизор и видеоманитофон.

Лидия Григорьевна долго не могла найти нужную запись. Наконец, лицо её расплылось в улыбке. По экрану пошли кадры с Гурченко. В голосе невидимой дикторши чувствовался упрёк:

- Посмотреть, как внучка катается на лошади, Людмила Марковна удосужилась всего лишь один раз! Больше её на ипподроме никто никогда не видел...

Лидия Григорьевна нажала скоростную перемотку.

- А вот вам более человеческие кадры, более цивилизованные!

То было интервью с Плисецкой. Майя Михайловна нервничала, вопросы явно её не устраивали, потому и отвечала с холодком:

- Кого вы больше всех уважаете?

- Наполеона!

- А из живых?

- Щедрина!

- А кого больше всего боитесь?

- Родственников!..

На этом видеосеанс резко прекратился, Лидия Григорьевна была в восторге.

- Вот видите! Кремень! Молодчина!

- Кремень однозначно, - поддакнул Гаррик.

- Майечка-то кремень, а вот у Марковны духу не хватает за себя постоять. Не повезло ей с характером - всё время оправдывается, и всё время публично... Ха! "Всего раз была на ипподроме"! Не надо делать из этого трагедию, дорогуши! А вот Плисецкая - та из совсем другого теста! Надеюсь, вам теперь понятно, почему я ненавижу всяких родственников и предпочитаю иметь дело исключительно с посторонними людьми. Потому я и завещаю именно вам львиную долю моего наследства. Из принципа, а вовсе не потому, что я старая сластолюбивая. Вы не плебей, я это прекрасно вижу, вы не станете ждать-дождаться моей смерти, как некоторые...

Гаррик молчал, боялся спугнуть своё счастье. Лидия Григорьевна выдала итоговую фразу:

- В общем, вы меня поняли. Я их всех тихо ненавижу, все-е-ех... Исключение делаю только для Апочки, для дочери, хотя и она меня в последнее время сильно шокирует... Наследство она получит только из ваших рук, Гарри, или не получит вовсе.... Могу я хоть в конце жизни заставить её слушаться? Думаю, так будет лучше для всех...

- Не знаю... - промямлил Гаррик.

За дверью усилился гул. Компания, болтавшаяся в коридоре, не выдержала пыток и снова без спроса ворвалась в комнату. Для этого был найден вполне солидный предлог. Первой, как всегда, заголосила Апочка:

- Мама, как тебе не стыдно?! Доктор пришёл, чтобы привести тебя в норму, чтобы ты ещё немного пожила, а нотариус вообще старый человек! Ты просто издеваешься над ними, держишь их обоих в этом занюханном коридоре! С парнями тут кокетничаешь...

- Не с парнями, а с новоиспечёнными наследниками! Кстати, советую присмотреться к юноше...

- Ещё чего! Ради наследства, что ли?! Твоё наследство - твоё личное дело, завещаю кому хочешь, а и я сама в состоянии себя обеспечить!

И без того сиплый голос дочуры превратился в бас. Она нехило курила, точно так же, как и её папаша. Хорошо, если только табак!

Доктор весело улыбнулся.

- Ничего, я подожду! Солдат спит, служба идёт... У меня ведь почасовая оплата, согласно договору!

- Ну, нет, ну, доктор, она не только над вами, она надо всеми нами издевается!

Дочура металась по комнате, не глядя ни на мать, ни на остальных. Доктор улыбнулся ещё шире. Нотариус не выдержал и перешёл к делам:

- Тогда позвольте огласить черновик завещания. Вдруг вкралась какая-нибудь ошибка, тогда мгновенно исправим!

Лидия Григорьевна усмехнулась:

- У вас - и ошибка?! Не верю!..

После процедуры все расплзлись по особняку, по самым разным закоулкам. Охранник с дочурой пошли шептаться в дальний конец коридора и оттуда бросали на Гаррика возмущённо-недоумённые взгляды. Что при этом говорили, шут их знает.

7.

Гаррик решил немного прогуляться, он медленно побрёл вдоль плохо закрытых дверей. За одной из них он увидел интерьер, битком набитый сложенными раскладушками. В следующей комнате прямо на полу были разбросаны матрацы, шерстяные одеяла и подушки без наволочек. "Пионерский лагерь в пересменку!" - прыснул Гаррик. За третьей дверью он узрел полупустую, с очень небольшим количеством хлама комнату. В её окне, со стороны улицы, маячил доктор с сигаретой в зубах.

Бросив сигарету, доктор замахал руками, подзывая какую-то машину. Подъехавшая машина сильно смахивала на катафалк: сельский автобус на двадцать человек с чёрными занавесками в окнах. Гаррику сделалось жутко. Если Лидия Григорьевна утверждает, что здорова... Неужели они собирались её... Но какой смысл? Основной наследник-то не из их компании! А может, они и наследника, то есть Гаррика, собирались... того...

Волею хозяйки к Гаррику переходила вся её недвижимость и половина денежных сбережений. Остальная часть финансов делилась равными долями между дочурой, охранником, прилежным доктором и, как ни странно, подслеповатым нотариусом. Да! Не напрасно очкастый трудился! Себя он тоже не обидел. Гипнозам, что ли, владеет?

Излишне говорить, что после прочтения завещания друзей в особнячке у Гаррика стало ещё меньше, чем до того. Утешало одно: другие имена в документе не значились, а значит больше конкурентов у Гаррика, вроде бы, не было, типа желающих его убить и похоронить, в землю закопать и надпись написать - зазевайся он хоть на минуту! Но он не зазевается, пусть не надеются.

Однако были и сомнения другого рода: вдруг старуха над ним просто поиздевалась, вдруг у неё старческий маразм, вдруг захочет ещё неоднократно переделать завещание?

Обернувшись, Гаррик увидел, что в другом конце коридора охранника с дочурой уже след простыл. Снова заглянув в открытую дверь комнатухи, он увидел их в окне. Папа с дочкой пытались открыть дверь катафалка. При этом доктор что-то радостно им объяснял, а они... смеялись! Ну и семейка! Впрочем, разве она одна теперь такая?

Ещё немного побродив по коридору, Гаррик вернулся к своей благодетельнице.

- Я так и знала! - крикнула она. - Кроме Вас, Гарри, никому до меня дела нет. А я ведь... скоро умру! Да!

Гаррик оторопел.

- Надеюсь, вы шутите? Вы же сами сказали, что притворялись!

- Гарри, всё может круто измениться.... С минуты на минуту... Пока вы где-то там бродили, ко мне заглядывал доктор...

Чудеса! Как же доктор мог к ней заглянуть, если он всё время был при катафалке?

- Вы ничего не путаете, Лидия Григорьевна?

Вместо ответа старуха взяла руку Гаррика, положила его влажную ладонь к себе на сердце. Гаррик, успевший удалиться мыслями от своей первоначальной миссии, брезгливо отшатнулся. Но отбиваться не пришлось, как и в первый раз. Старуха снова захрипела и... Кажется, умерла! Уже не понарошку.

И снова в комнату вбежала шустрая компания, в том же составе. Чересчур оперативно среагировали. Подслушивали, что ли? Вдруг его в милицию сдадут, припишут доведение до инфаркта? Тогда завещанием попользоваться не придётся... Упекут, садисты!

Толпа неожиданно снова покинула комнату. Выглянув в коридор, Гаррик увидел охранника. И тот без тени скорби на лице! В руках он держал чистые полотенца. Не иначе, как, для омовения тела. Вот это подготовка! Шайка, одним словом. Не зря покойница подозревала их во всех грехах.

Вскоре вся шайка выстроилась у кровати Лидии Григорьевны. Ровно через пять секунд, будто по чьей-то команде, в комнату вошёл незнакомец в штатском и с папкой в руках. Он зарегистрировал смерть от... падения с высоты! У мафии был ещё один доктор, свой в доску, который ставил нужные им диагнозы!

Затем покойницу вымыли, используя полотенца, заготовленные охранником, и перенесли в гроб, стоявший в маленькой захлавленной комнате. Никто и не подумал там прибрать, мелкий и крупный мусор валялся в полной неприкосновенности.

Потом вся компания, родственнички-монстры и их приспешники, пригласили Гаррика на поминки в каптёрку охранника - выпить за помин души усопшей...

Пиршество длилось не очень долго, Гаррик не заметил, как вырубился. Проснулся он в темноте, на неоправданно мягком ложе, издававшим до боли знакомые запахи. То было смертное ложе Лидии Григорьевны! Поиздевались, сволочи, отомстили... Чего от них дальше ждать?!

Гаррик заметил узкую полоску света, падавшую через плохо прикрытую дверь. Затем послышались голоса:

- Потихе топай! - увещевал кого-то охранник. - Вдруг он не очень крепко уснул!

В ответ послышалось хихиканье, вроде как, дочуркино.

- Да ладно, даже если и проснётся, нам-то что?

Вскоре все звуки стихли, полоска света исчезла. Снова забывшись, на этот раз уже не очень крепким сном, Гаррик сквозь дремоту услышал голоса - снова мужской и женский. На сей раз женский голос принадлежал не дочуре, а кому-то другому. Кому?

- Николай, не надо нервничать, вы устали, пойдите выспитесь...

Голос был пугающе похож на покойницын! Гаррик вскочил и на цыпочках помчался к двери. Щель была слишком узкой, чтобы разглядеть беседующих в коридоре, но шире открывать было чревато. Шаркающие шаги постепенно удалялись в сторону каптёрки.

Гаррик рискнул приоткрыть дверь, и ему в нос сразу же ударил запах дома престарелых. В самом конце коридора маячили две пожилые спины: охранника и старой служанки с хозяйственной сумкой!

8.

Может, то была не служанка, а отвергнутая, нищая сестра Лидии Григорьевны?! Может, некогда, в молодости, она отмочила такое, из-за чего покойница и возненавидела всех

родственников? Гаррик вспомнил, что умершая намекала на какие-то особые причины для ненависти. Может, к Лидии Григорьевне приходил не доктор, а эта чума, имя которой было стыдно упоминать в приличном обществе? Общество особняка было крайне неприличным, но по сравнению с этой клячей - все как один рафинированные интеллигенты и филантропы! Может, эта старая вонючая карга и приходила к ней со шприцем перед самой смертью?!

Родные сёстры часто ссорятся на всю жизнь. Братья - гораздо реже. Сестра мамы Гаррика, его родная тётя, однажды подняла скандал из-за швейной машинки, хотела взять её себе навсегда. Чуть до драки дело не дошло! Они с мамой уже пятнадцать лет не разговаривают. Гаррик виделся с тётей в последний раз, когда ему было восемь лет.

Так то была сестра Лидии Григорьевны? Обиделась на что-то, топнула ногой и ушла жить в дом престарелых? Вполне реально. А потом у неё перегорело, прикинулась овечкой и нанялась к богатой сестре батрачить. А может, то была не такая уж и сестра, а более дальняя родственница, но с похожим голосом и аналогичной внешностью?

Гаррик снова направился к захламлённой комнате. Дверь была распахнута настежь. Гроб стоял на своём месте, а к интерьеру прибавились венки.

Не желая больше находиться у покойницкой, Гаррик вернулся в опочивальню. Там его внезапно рассмешила мысль о его бывшей спальне, о той, которая находилась в хрущёвской квартире. По сравнению с этим интерьером, она сильно напоминала хлев. Сегодня он впервые спал как белый человек, располагал будуаром принца! Срочно захотелось похвастаться кому-нибудь. Маме, например. С этими мыслями Гаррик заснул...

Утром новоявленный принц, обладатель огромного наследства, проснулся от очередных разборок за дверью. Кроме резких голосов имелись и другие звуки: вдоль узкой кишки коридора тащили что-то тяжёлое. Гроб, конечно же, а что ж ещё!

Гаррик ощутил знакомый порыв: смыться! Уехать в город хоть на какое-то время, для элементарной передышки, для общения с Павликом, в конце концов. Ведь в понедельник на работу, а на дворе стояло воскресное утро! Но о побеге думать было слишком поздно: ещё кражу какую-нибудь пришьют, помимо прочих не совершённых им преступлений. Эти твари на всё были готовы, лишь бы отомстить за потерянный кусок наследства, за его наглое и явно незаслуженное фаворитство. Пришлось одеться, пригладить пальцами волосы у трюмо и выйти через коридор на улицу, туда, где стоял автобус-катафалк. В катафалк как раз укладывали закрытый гроб.

Рядом с гробом появился незнакомый человек, но уже не доктор, а, судя по бланкам в руках, страховой агент. Где-то Гаррик его уже видел, может быть, даже в своей конторе.

Потом подтянулись и оба врача: старый, "придворный", и вчерашний, "приблудный", регистрировавший случай смерти.

Приблудный вдруг неожиданно громко спросил:

- Так что вы решили? Вскрытие будем делать или нет?!

Он ещё и много раз оглянулся, как бы желая убедиться, что его слышали абсолютно все соседи. После этих криков к нему с заискивающей миной подкатился пожилой охранник, что-то шепнул, и они оба немедленно отошли в сторонку. Пока они секретничали, страховой агент попросил дочуру расписаться в нескольких местах.

Когда катафалк с телом Лидии Григорьевны уехал, а малознакомые люди ушли, остались только члены шайки. Гаррик в этот раз решил не дожидаться провокаций и первым атаковал их вопросами. Начал с дочуры:

- Ада... или как вас там...

- Ада-Ада, чего вам надо?

- Вы прям стихами говорите, - попробовал шутить Гаррик.

Шутка не подействовала, вид у полусироты был неприступный, а глаза - совершенно сухие.

- Я хотел спросить насчёт страховщика...
- А что?!
- На лице дочери отметился испуг.
- Да ничего, просто лицо его мне кажется знакомым...
- Почаще креститесь, юноша...

9.

Светскую беседу двух врагов нарушил охранник, явно забывший, кто в доме хозяин, а также кто владелец абсолютно всей недвижимости и даже той каптёрки, в которой он живёт:

- Гарри... или как вас там... не лезли бы вы, куда не следует, а? Вам что, мало своего куска? Пускай девочка хоть что-нибудь получит, хоть страховку за собственную мать!

- Папа, не напрягайся, оставь его в покое, таким как он всегда мало! - воскликнула дочура и, загасив сигарету о подоконник, помчалась в конец коридора, к боковому выходу.

"Правильное, всё-таки, ей имя подобрали!" - окончательно решил Гарри. Он больше не собирался общаться с этой химерой... Не собирался, да пришлось. Сердце ведь не камень!

На дворе, судя по визгу, злобную дочуру уже кто-то подждал. Гарри выглянул и узрел на месте только что отъехавшего в морг катафалка неопрятную личность мужского пола. Вероятно, то был один из Адиных поклонников-наркоманов. Видно, надеялся, что ему обломится на дозу.

После ссоры с хахалем Адочка быстренько вернулась в коридор, вся поникшая, с заплаканными глазами. Теперь её вполне можно было ангелом назвать, дать ей имя "Рая" или даже "Ангелина".

Прибывшая опрометью бросилась к охраннику.

- Папа! Как эти дегенераты мужики мне надоели! Может, и правда, мне лучше выйти замуж за... этого?

Охранник зыркнул на Гаррику и промычал:

- М-да-а-а... Вот оно, какие дела! Не соскучишься с молодёжью!

"Ага!" - мысленно огрызнулся Гарри. - "Может, хоть теперь угомонитесь!"

Гаррик был совсем не прочь познакомиться со Адой поближе. Ему, если честно, нравились стервы. Кстати, она была не такая уж и стерва, хотя бы судя по тому, как легко удалось подбить её на более тесное общение. Дочура абсолютно не выламывалась, не выпендривалась и ни на что не намекала, на вопросы отвечала прямо, да и сама активно спрашивала. Выходит, Гаррик тоже был ей интересен!

- Вы мне начинаете всё больше нравиться. Вас действительно зовут "Гарри" или...

- По паспорту я Игорь. Игорь Вартанович Погосян. В солидном обществе меня величают "Гарри", а мама зовёт Гарриком... Вот...

При воспоминании о маме Гаррику сделалось больно. Видела бы она его сейчас! А ещё стало дурно от мысли, что Ада когда-нибудь увидит его берлогу в хрущёвке. Надо срочно ремонт закатить! Но сперва необходимо получить наследство, чтобы было на что шиковать.

- Так наш нотариус меня не обманул? Вы действительно отхватили большую часть наследства?

Ада залилась неприличным смехом, показавшимся Гаррику очень милым. Потом она бросила смеяться и горестно вздохнула:

- А вот мне ни копейки не перепало... почти...

"Это к лучшему, будешь теперь ко мне липнуть, как сумасшедшая!" - подумал Гаррик, а вслух произнёс:

- Могу поделиться...

Узнав, что с ней собираются делиться, Ада разболталась ещё громче. Вот что деньги с бабами делают! "Интересно, клеилась ли бы она так активно, если бы не завещание?" - подумал Гаррик.

Вскочив с бывшего ложа покойницы, Ада помчалась к комоду с инкрустированными ящичками, порылась в ворохе отменного французского белья и откопала бутылку виски.

- Молодец, папуля, безошибочно назвал местечко, где Григорьевна... вернее, мама... допинг прячет... вернее, прятала...

Она торжественно подняла бутылку. В другой руке она не менее торжественно держала кружевной бюстгалтер - явно не своего размера - и всюю размахивала им.

- Ну, Григорьевна, ну, баловница! Всё-то у неё... в стиле "от кутюр"! Сплошная Франция, нич-чего отечественного!

Гаррик усмотрел в этих действиях элемент кощунства.

- Положи назад! Неудобно!

- Почему?

- О покойниках или уважительно, или...

- Да ладно, ты-то хоть не юродствуй! Кто она тебе? Ты же её совсем не знал! Или знал раньше?! Может, ты очередной сынишка нашей мамы, тоже внебрачный и тоже "самый любимый", как и я, да? Может, именно поэтому она так и расщедрилась? Может, ты вообще от английского лорда нагулян, а мы тут ничего не знаем?!

- Здрас-с-сте... - возмутился Гаррик.

- А что? Старая любила по загранкам шастать...

10.

В самый разгар веселья дверь открылась, и в комнату заглянула пахнущая богадельней почти копия Лидии Григорьевны, сестра-бесприданница. На этот раз у неё на голове был толстый шерстяной платок, сваланный до фактуры валенка. Платок был сдвинут на одну сторону, вернее, на одну щёку - видать, зуб болел. Роговые очки с толстенными диоптриями делали её вообще очаровашкой.

- Сидите, малыши? А я думала, вы уже лежите!

Ну, наглость! Гаррику давно подозревал эту вонючку в шпионаже, и вот, пожалуйста, подозрения оправдались!

- Выйдите, и больше никогда без стука не входите, - спокойно обратилась к вонючке Ада.

Бесприданница мигом испарилась, оставив фирменный привет из богадельни - тошнотворный запах. Гаррик поморщился и гадливо ухмыльнулся. Ада заметила это.

- Ты не очень-то ухмыляйся, от неё чего хочешь можно ожидать...

Лицо дочери посерьёзнело, будто она вспомнила что-то жуткое, может быть, даже из своего безрадостного детства.

- А кто это? Завистливая сестра покойной? Горе-родственница?

- Со временем всё узнаешь, - тяжело вздохнула дочура и деловито повалила его на мягые, не перестеленные со вчерашнего дня простыни, пахнущие корвалолом и французскими духами.

Гаррику не нравилась идея заниматься сексом на чьём бы то ни было смертном одре, но если Аде всё равно, то почему он должен щепетильничать. Он уже давно смирился со всем, что видел и слышал в особняке, действовал как на автопилоте, как в тумане. Честно

говоря, и выпивка не очень-то была нужна: сама ситуация опьяняла, напрочь лишала трезвости. Ну и нравы по Межевой, дом тридцать!

Если честно, Ада заниматься сексом не спешила, а просто "целомудренно баловалась". Пристрелка? Перестраховка? Возможно. Хотя больше в комнату, судя по всему, заглядывать никто не собирался, Гаррик тоже не был в настроении предпринимать что-либо серьёзное.

Парочка валялась в койке, громко хохоча, пока снова не навалился вечер. Пошла вторая ночёвка Гаррика в этом странном месте. "Не забыть бы, что завтра с утра на работу!" - подумал Гаррик перед тем как отключиться.

Оба несостоявшихся любовника уснули. Ада отключилась первой, а Гаррик, отходя ко сну, успел ещё один раз заметить, как потихоньку отворилась дверь и в ней нарисовалась голова бесприданницы. Потом мелькнула голова охранника. Гаррик даже было (на момент!) принял их за привидений. Потом оба привидения исчезли, плотно прикрыв дверь. Вот, идиоты!

Гаррику хотелось выскочить в коридор, наорать на них и, может быть, даже крепко наказать обоих, применив молодую силу, но почему-то не смог. Все члены были вялыми. Вспомнилось, что у виски был странноватый вкус...

Проснувшись Гаррик собирался утром, на то и будильник имелся, в двух экземплярах: в наручных часах и в мобильнике. Но ситуация снова повернулась по-дурацки...

Среди ночи в комнате внезапно включился свет. То были проделки бесприданницы! Она, как и раньше, вошла без стука: уже не просто заглянула, а вплыла всем корпусом, как корабль, грозно подбоченясь и поправив шерстяной платок, словно то был не платок, а мантия императрицы в изгнании. Вслед за ней в комнату ввалился охранник. Именно ввалился, а не прокрался и не вошёл. Ему нельзя было иначе: он тащил большое кресло! Кресло смахивало на императорский трон. Где он его оторвал? Ни в каптёрке, ни в других комнатах, исследованных Гарриком, никаких кресел не было.

Поставив кресло в центре комнаты, охранник картинно смахнул с него пыль и пажеским жестом предложил вонючей бесприданнице усесться. Та мигом исполнила то, о чём её так вежливо просили. Охранник построился за ней, облокотясь на спинку кресла.

Гаррик поднялся, сел на кровати. Глянул на Аду - та ещё спала.

- Что происходит? - еле выдавил он.

- Суд будет, - с бешеным блеском в глазах шамкнула бесприданница. Она забыла вставить зубы, и звуки из неё вылетали малоразборчивые.

- Суд?!

- Ага, - подтвердила старуха.

Для того чтобы сказать "Ага!" зубов не требовалось.

- Судить будете обоих или только меня?

Гаррик снова бросил взгляд на Аду, попробовал её растормошить, но безуспешно.

Охранник замахал руками, мол, не трогай, моя дочь тут ни при чём. Ну да, зачем ему судить собственную дочь!

- Итак, - шамкнула старуха, - поговорим о вашем поведении.

- Да пошли вы оба! Неделки!

Гаррик резко вскочил с кровати, стал одеваться.

- Не вздумайте бежать, не получится - на улице вас уже ждут два милиционера, - зарычал охранник.

- Накой я им?

- Борьба с наркотиками! Вас уже давно ищут!

- Меня?!

- Из района поступил сигнал, что возле нашего особняка видели наркошу...

- Не ты это, часом? - радостно потёрла подагрические руки бесприданница. - Вот молодёжь пошла - на дозу не хватает, так за страухами кидаются приударять, а заодно и

наследство оттяпывают, одним махом, чтоб два раза не ходить! А наследство чужое, между прочим. И не стыдно? Раскальвайся чистосердечно, ханурик!

- Почему именно я ханурик? Тот тип, который вечером чуть не подрался с Адочкой - он уже не в счёт? О нём забыли?!

- Не знаем ни про какого типа! Не зметили!

Гаррик устал возмущаться, обмяк. "Не заметили"! Тот тип на наследство не претендовал, так что для них он, по их деревянной логике, невидимка...

Допрос, судя по всему, предстоял нешуточный. Гаррик бросил максимально строгий взгляд на папашу Адочки.

- Вы охранника допросите, его доченька с наркошами якшается!

- Моя дочь?! - озверел охранник. - Да я тебя за эти слова!

Гаррик снова глянул на дочуру. Та по-прежнему спала. Или притворялась. Удобная стратегия.

11.

Вошли два мента. Гаррик был близок к инфаркту. Пороческое ложе ему выбрали! Смертное!

- Какие такие наркотики? Где они у меня?

Гаррик вывернул карманы, затем поднял с пола борсетку, вывернул и её. "Ну, и дурак же я!" - подумал он. "Ведь предупреждала же покойная, что доченька знает с наркошами! Теперь подсунут мне принесенную ею дозу и спасибо не скажут! Они заранее всё продумали, потому у них был не слишком расстроенный вид, знали, что всё наследство всё равно им в итоге достанется!"

- Наркотики у вас в крови содержатся, анализы всё покажут, не волнуйтесь! - кровожадно вякнул старый страж.

Так вот почему у виски был отвратительный вкус! Непонятно было одно: зачем им весь этот спектакль? Если не хотели делиться наследством, то могли бы придумать что-нибудь пооригинальнее. Например, подсыпать ему крысиного яду, а потом закопать труп в лесу. Ведь живая особь и вырваться может, сбежать в темноту. Старческий маразм, не иначе.

Маразм крепчал. Скоро Гаррик узнал всю его степень.

- Мало того, что вы наркотики употребляете... - начала старуха.

- Причём, регулярно... - поддержал её охранник.

- Так ещё и разложились... тут с девицей... - продолжала бесприданница, предварительно достав из кармана зубы, вытерев их платков и засунув в рот.

- С моей дочерью разлётся, а она ведь и покойницына дочь! - скорбно добавил страж и кивнул. Его дряблый подбородок затрясся.

- Да! Постель ещё не остыла после покойницы! А он разлётся!

- Аморалка с отягчающими обстоятельствами...

- Ха! А ваша дочь не знала, что это мамина койка? Покойной матери! - из последних сил защищался Гаррик.

Но маразматика никого не слушали кроме себя. Они кричали, шамкали и брызгали слюной. Старуха всё время поправляла пытавшиеся вывалиться зубы.

Гаррик сидел согнувшись, поглядывал на Аду. Так неподдельно спала. Действительно натурально сопела. Бывает же крепкий сон у некоторых! За всё время ни разу не шевельнулась, ну, хоть бы раз ножкой повела или ручкой дёрнула. Везучая натура. Надо полагать, именно отсутствие её имени в завещании делало её совершенно безмятежной и бесчувственной к страданиям других.

Гаррику самому захотелось вот так же заснуть. И никогда больше не проснуться. Ведь ему шили наркотики! Милиция, вероятнее всего, была "глубоко в курсе", так что лет пятнадцать-двадцать обеспечены. Как они ещё не догадались пришить ему смерть Григорьевны! Позже непременно догадаются. Когда склероз отпустит. Всё пришьют: и смерть старухи, и наркотики и невежливое обращение с милицией. "Сопrotивление органам".

Инициаторы судилища будто прочитали его мысли.

- Ещё вскрытия, между прочим, не было...

- И что?!

- А то, что оно покажет, как именно умерла Лидия Григорьевна!

- Может, ей кто-то помог, а этот "кто-то" - определённо вы... Несомненно!

У старухи вместо "несомненно" вышло "нешомненно".

- Так в её смерти, выходит, я виноват?!

- А кто ж ещё? Кто тут самый нахальный?!

Гаррик снова начал раздеваться, хотел улечься и укрыться с головой, а там - будь что будет!

- Э! Э! Ты чего это? А ну, сидеть! - заволновалась старуха.

- А ну, встать!!

Последнюю реплику хором выдали два ряженных мента. Один был в ботинках, а второй в кирзе, потому Гаррик и решил, что они ряженные. Оборотни в погонах.

На всякий случай пришлось подчиниться. Гаррик подумал, что может, позже удастся их подкупить, рассказать о наследстве, которое он вот-вот собирался получить согласно завещанию. Тогда и состояние останется при нём, и упыри наплачутся. Он им хорошенько отомстит! С учётом возраста, конечно.

В участок ехали на катафалке, который успел сделать ходку в морг и вернуться. А с чего ментам шиковать? Им от наследства перепало ещё меньше, чем Аде. Эх, прощай Ада! Прощай надежды на тихую, безбедную семейную жизнь с красоткой, не брезгующей крепкой выпивкой и крепкими словечками! Садистка-грубиянка Ада в сочетании с подозрительным виски - как раз то, о чём Гаррик мечтал всю жизнь, не признаваясь даже себе самому. В тюрьме виски не нальют, даже пива не допросишься. Не говоря уже о прочих прелестях отсидки! От всех этих деталей, внезапно заполнивших воображение, голова пошла кругом. Влип!

12.

Морг от особняка был недалече, а вот участок... Катафалк преодолел не одну версту, а конца-края путешествию видно не было. Гаррик с ментами и пожилым охранником сидели на заднем сидении, а старуха в шерстяном платке мостилась поближе к кабине, болтала с водителем, тыкая кривым пальцем в темноту за окном. Водитель был молоденький, скорее всего, не из местных, так что поводырь, да ещё и ночью, ему был непременно нужен.

В конце концов, старухе удалось направить малолетку на путь истинный, и она с чистым сердцем исполнила фирменный жест - приложила подагру к подбородку. Задумалась.

Направление движения машины менялось то и дело, Гаррик даже устал считать повороты. Может, и не в участок его везли, а прямо на заклание. Расстреляют оборотни, закопают... Ну и папашка у Ады! Такого тестя никому не пожелаешь.

Внезапно началась тряска - видать, повернули на просеку. Езда по пенькам может вытрясти все мозги. "Ну, давайте уже, кончайте меня скорее", - думал Гаррик, - "Зачем

везти потенциальный труп куда-то далеко, да ещё по кочкам и пенькам? Бензин и время надо экономить!"

Однако езда продолжалась...

Наконец, автобус остановился. Адин папаша раздвинул чёрные шторы, осветил небольшим фонарём за окно. Там действительно виднелась широкая поляна, совсем недавно очищенная от молодого лесняка. На краю её вырисовывался одноэтажный особнячок, наподобие того, откуда Гаррика недавно вывезли. Особнячок был окружён свеженасаженными пяточками зелени и даже клумбами, а между всем этим богатством виднелись асфальтовые дорожки. Запахи, по идее, должны были быть садово-лесными, но почему-то снова завоняло богадельней...

Между дорожками, помимо клумб, виднелось огромное пространство тёмной почвы, без следов травы или каких-либо других насаждений. Именно этот огромный пяточок, а не клумбы, обильно поливался из вращающегося шланга, закреплённого на специальном механизме. Получался неплохой фонтан. Вонючка вокруг стояла отменная, хоть нос зажимай, и шла она, похоже, именно со стороны фонтана. Богадельня, где мама держала бабушку, и та не так сильно облучала окружающее пространство!

К особняку Гаррика вели под конвоем, состоявшим из одного мента. Второй мент остался беседовать с охранником и старухой у автобуса. Пленник решил воспользоваться ситуацией, стал лихорадочно предлагать за своё спасение суммы, граничащие с беспределом. Но ментяра только ухмылялся. Видимо, бесприданница с охранником обещали ему больше.

Гаррик окончательно сник. Что теперь? Зачем весь этот спектакль, который длится уже вторые сутки? Ну, Павлик, друг называется... Может, у него и не было никакой более кайфовой работы, может, он просто подставил товарища, заподозрив неладное, вот и всё. Может, тайно застукал двух старых сестричек при поедании свежего трупа?

Гаррик переключился на действительность. Интересно что с ним собирались делать в том особняке, который постепенно выплывал из темноты и делался всё более зловещим?

В каждом более или менее приличном доме имеется прихожая или коридорчик, где вытирают ноги, "предбанник", однако в лесном особняке предбанника не было. Парадная дверь вела прямо в огромный зал, где часто-густо стояли неопрятно застеленные кровати. Большая часть кроватей были пустыми, но в некоторых лежали стонущие личности. Гаррик мысленно был готов улечься среди них. Если убивать его пока не собирались, сажать в тюрьму, видимо, тоже, тогда что? Попыты над людьми, вне всякого сомнения! Коленки завибрировали, спина и нос покрылись испариной, ладони липли к одежде. На стене двумя рядами висели фото каких-то людей. Не очень пожилых, но очень страшеньких. Готовая фактура для фильмов ужасов! Что ещё больше удивляло: запах в интерьерах начисто отсутствовал. Или он просто успел принюхаться?

За спиной Гаррика раздались шаги. В зал вошла старуха-бесприданница, сопровождаемая охранником и вторым ментом.

- Ну как, преступничек, насмешничек, издеватель, нравится тебе тут?

- В чём вы видите состав преступления?

- А кто глумился над памятью покойницы?

Её голос разительно напоминал старческий тембр сестры, давно лежащей в морге!

- Когда я издевался над покойницей?

- В моей опочивальне!

Совсем спятила старая. Опочивальню Лидии Григорьевны, которая с недавних пор уже принадлежала Гаррику, она считала своей! Впрочем, если ей таки удастся доконать нового владельца всей недвижимости, то... Сейчас вколют укол, дурачком сделают, заставят подписать новые бумаги и... И никого уже не надо убивать! Ловко...

Гаррику пришла в голову идея время потянуть:

- Что значит: "В моей опочивальне"?! Вы хотели сказать... "в бывшей опочивальне Лидии Григорьевны"? Что-то я не помню в моём особняке находилась ваша опочивальня! Но старуха пропустила эту реплику мимо ушей. Она стала усердно рыться в растянутых карманах. Тогда Гаррик тыкнул пальцем в фото, которые двумя рядами висели на стене.

- А кто эти люди?

- Это? Ха! Это наша доска почёта!

13.

Так ничего и не поняв, Гаррик, ведомый под руки в соседний интерьер, сочинял оправдательную речь. Он понимал, что справедливость восстановить будет трудно, но постепенно перевести разговор в конструктивное русло не мешало - вдруг поможет? Захотелось напомнить старым идиотам о деталях вчерашнего вечера и текущей ночи:

- вспомните, пожалуйста, события этой ночи, постарайтесь вникнуть! Когда мы, по вашему выражению, "так бездумно развлекались" в опочивальне Лидии Григорьевны, я грешил не больше Ады и даже останавливал её, между прочим! А теперь получается, что Ада - ангелочек, ни в чём не виновата, а я - монстр, да?

- "Оштанавливал"! - зашамкала старуха. - Гы-ы... Он её, ты ж понимаешь, "оштанавливал"!

- Да, останавливал! Вот проснётся она - и всё подтвердит!

Охранник и ведьма переглянулись. Страж кивнул на ширму, которая стояла в двух шагах. Тут бесприданница вспомнила что-то, хлопнула подагрой себя по лбу, достала из кармана вставные челюсти и стала их в рот запикивать. Потом, уже в другом кармане, она нашла духи и пшикнулась ими пару раз. Духами Лидии Григорьевны! Потом, наконец, отправилась за ширму, по пути продолжая ворчать:

- Ну и джентльмены нынче пошли! А я ещё хотела с ним подружиться, с таким идиотом...

Из-за ширмы, через верх, полетели её тряпки, вплоть до убогого белья. Одна из тряпок упала Гаррику на плечо. Он содрогнулся: "Жест дружбы, надо понимать!"

Затем произошло такое, отчего можно было запросто в обморок упасть: из-за ширмы выскочила, вся расфуфыренная... Лидия Григорьевна! Вместо тяжёлых очков на ней были пляжные дымчатые, а вместо ситцевых лохмотьев, старой растянутой кофты и свалянного платка типа "оренбургский серый", её снова украшало шёлковое сари и большая курортная шляпа...

Гаррик ощутил, как к горлу подкатила тошнота. В ноздри и уши ударила газировка вкуса мятной жвачки... или пертуссина... Вспомнилось детство...

Дальше Гаррик ничего не помнил. А когда вновь открыл глаза, увидел вокруг себя белое сияние и... ангелов!

Сияние лилось от нескольких источников: от лампы дневного света, от свежеевыкрашенных дверей и от белых простыней, которых в интерьере было много. Незнакомый зал был уставлен образцово застеленными кроватями, на которых почивали пожилые личности. Все они глазели на Гаррика с огромным любопытством. Он не выдержал:

- Мы с вами в рай попали, да? Все вместе? В лесу пожар случился или... взрыв? Мы что - погибли, да?

- Ага! "Умерли все"! - шепнула Лидия Григорьевна и поправила ему покрывало.

Стерва Ада, неизвестно откуда взявшаяся, сидела очень близко, тоже вся в белом, и ласково смотрела на него. Она улыбалась! Исчадие ада, похоже, исправилось. Жаль, что лишь после смерти.

Помимо белоснежных халатов на сидящих вокруг Гарика людях были белоснежные бахилы, способные скрыть любую подагру и любую обувь. Менты тоже были в бахилах, и теперь никто не мог их обвинить за неодинаковый фасон в обмундировании.

Где-то хлопнула дверь, в комнату ворвалась молодая личность женского пола, тоже вся в белом, на вид лет двадцати. Гаррик извернулся на кровати, пытаясь разглядеть у неё за спиной хотя бы что-то похожее на крылья. Но крыльев не было.

- Не надо так реагировать на девушек, ведь вы уже женаты, - произнесла Григорьевна с сарказмом.

- Я?! Женат?!

- Ага, - подтвердила бывшая покойница. - В следующий раз будете внимательно читать то, что подписываете!

Она выложила на Гаррика кипу бумаг, прямо на одею.

- Не шевелитесь, а то всё рассыплется, собирай их потом!

Снова хлопнула дверь, и в помещение вбежали ещё несколько девушек, тоже очень милостивые и все как одна без крыльев. Они стали ухаживать за пожилыми личностями, лежащими на кроватях: вытаскивать из-под них утки, давать снотворное, отключать капельницы. Сделав работу, они убежали. А Лидия Григорьевна снова стала утверждать, что он женат, причём, на ней.

- Ладно, женат, так женат, как скажете, - буркнул Гаррик.

- Люблю сговорчивых! - обрадовалась бывшая покойница. - И, что самое интересное, вас на мне женили уже после моей... кончины... а вы ничего не заметили!

Гаррик уже не нервничал, ни по какому поводу. Спротивляться было бессмысленно... Ведь он - в раю...

Однако ноздри поймали знакомую вонь. Этого стоило ожидать! Так и должно было случиться. Всему когда-то приходит конец, вот и райские видения заканчивались. То была клиническая смерть, определённно. Теперь снова придётся окунуться в нормальную жизнь, полную вони, старых любовниц и старых фобий... в суровую действительность...

14.

Суровая действительность не дремала. Уже через секунду его заставили читать бумаги, лежавшие на одеяле. Одна из подписей на документах была его собственная! То было свидетельство о браке... О браке с кем-то по фамилии "Петровская"!

Гаррик изучал бумаги нарочито долго, с самым невозмутимым видом. Лидия Григорьевна, глядя на него, веселилась:

- Смотри-ка! Исправился! Вчитывается! И совершенно не испуган! Морда ящиком! Вот это выдержка! Значит, с ним можно делать дела, а?

Охранник, тоже весь в белом, важно поддакнул:

- Думаю - можно!

Лидия Григорьевна, улучив момент, махнула кому-то стоящему в дальнем углу помещения. Гаррик и глазом не успел моргнуть, как перед ним нарисовался Павлик. Он тоже был в белом халате и фирменных бахилах.

- Гарри, вы мне очень понравились, вы почти такой же смышлённый, как и мой сын. Оставляю вас наедине. Вы ведь давно не общались?

Вся компания повскакала со стульев и понеслась вон из палаты. Павлик уселся на место матери, тяжело вздохнул. Гаррик накинута на него:

- Так ты, подлец, свою мать на меня натравил? Игра у вас такая? Делать нечего?! Мамаша у тебя - монстр! А ты говорил, что она на даче цветочками любитесь, в гамаке болтается!

- Сначала всё так и было, а потом ей это дело надоело. У них в Америке долго сидеть без работы никто не привык. Штаты не страна, а "трудовой лагерь с усиленным питанием"!

- Так она в Америке живёт?!

- Мама давно вышла замуж за американца и уехала с ним, оставив на меня квартиру и дачу. Я пока не тороплюсь уезжать. У меня тут личная жизнь потихоньку налаживается.

- И кто же эта счастливица?

- Не обижайся, но это... Ада.

- Ада?! Ты решил жениться на родной сестре?!

- Она - дочь охранника, а моя мама её удочерила для дела...

От обиды у Гаррика помутнело в глазах. Вечно этот Павлик дорогу переходит! Теперь понятно, почему Ада проявляла относительную холодность в сексе. Они ведь с ней практически ничем не занимались - так, одни валяния по койке и поцелуйчики! Пришлось прогнать мысли о женитьбе, перейти к делам.

- А почему ваша дача такая зачуханая?

- Наша дача не здесь, в другом месте. А то, что ты видел, бывший пионерлагерь. Мама выкупила его для дела, с прицелом на будущее...

- На какое будущее?

- На светлое. Начну с самого начала. Я действительно сын Лидии Григорьевны, но с некоторых пор не единственный... У моей мамы теперь много приёмных детей, включая и тебя, если ты не против...

Павлик с мамой ("плюс компания") планировали спасти раковых больных и брошенных стариков. Для этой цели уговаривали их страховать в пользу фирмы "Лидия Петровская и компаньоны", а не в пользу каких-то там родственников, которые зачастую только и ждут твоей смерти, чтобы страховку заполучить или наследство.

- Если раковый больной только что узнал, что неизлечим, а ему по паспорту лет сорок-пятьдесят, то ему надо иметь дело с нами, а не с тупой и алчной больницей, где, к тому же, даже обезболивающих нет! Мы делаем им липовые похороны, вызываем представителя страховой конторы, показываем гроб и свидетельство о смерти, оформленное своим человеком.

- Своим доктором?

- Да. Он, как правило, ставит диагноз: "Травма, не совместимая с жизнью" или что-то в этом роде...

- Имитируете автокатастрофу или несчастный случай?

- Именно! На полученные от страховки деньги селим клиентов в шикарные условия, где имеется евроремонт и всё такое прочее.

- А если страховочных денег не хватит?

- На этот случай у мамы имеются свои собственные, очень солидные сбережения!

- Ладно, в сорок-пятьдесят ещё можно жизнь застраховать, и на большую сумму, а кто станет страховать глубоких стариков?

- На содержание стариков планируется отчислять из сумм страховки более молодых клиентов.

- Ну, вы и размечтались! Утопией пахнет!

- Эта утопия пока работает! - обиделся Павлик.

- Как долго?

- Вот уже три месяца!

Поняв, что Гаррика и его мамашу не переубедить, что весь их проект - до первого нормального милиционера, до первой вдумчивой комиссии, Гаррик решил просто полубопытствовать:

- А в самом первом зале прокажённые у вас лежат, или как? Те, которые "не заслужили"?

- Молодец! Хорошо, что напомнил! Я про них забыл! Ты доску почёта видел?

- Ну...

- Это наши "герои". Они в других домах престарелых няньками и санитарями работали, плохо себя вели, били пациентов. За это им положено пару месяцев полежать у нас в предбаннике - в качестве декораций, для создания атмосферы реализма, заодно исправиться немного, подумать, повонять...

- А где вы их берёте? Киднеппингом промышляете?

- Это всё с согласия местных властей, по договорённости, - сказал Павлик и подмигнул.

- Местным чинушам неохота возиться с больными и престарелыми, вот и отдают нам на откуп эти... "декорации", мебели в человеческом обличье... Не бесплатно, конечно.

- А если "мебели" взбунтуются?

- Мы колем им успокоительное, так что они не очень любопытствуют. А чтобы наши девушки их с настоящими клиентами не перепутали, вывешиваем фото на "Доску почёта".

- А без реализма никак нельзя? К чему вся эта конспирация?

- Для областной проверочной комиссии, например, которая может нагреть в любой момент. И для других людей, которые не в курсе... В общем, для непосвящённых! Заглянет случайный прохожий, а тут - грязные койки, неухоженные пациенты и подумает: "Всё путём, всё как везде!" Правду сказать, непосвящённые обычно дальше фонтанов не идут - уж очень воняет наша специально разработанная жидкость!

- А ты уверен, что областная комиссия, получив отступного, не пойдёт дальше первого порога?

- А когда было иначе?

- Хорошо, а после двух-трёх месяцев куда вы этих "статистов" денете? На мыло?

- Поменяем этих героев, на других, точно таких же, желающих исправиться и безгрешными в рай улететь... Лежание в грязной койке очищает душу... Отправим их назад, в их родной дом престарелых, но уже в роли пациентов. Работать после такой дозы уколов они вряд ли смогут! У нас с местными властями хитрый договор имеется, ни одна душа не подкопается! А для особо любопытных поливаем местность вонючей жидкостью - чтоб не очень была охота носы сюда совать...

- погоди, а зачем надо мной издевались целых два дня и две ночи? Не могли просто всё выложить?

- Ну, ты даёшь! Без проверки в таких делах нельзя! Главное, что мама тебя проверила: ты не ворюга, не подлец, не убийца и не садист, покойниц не обираешь и никуда не удираешь, на старого охранника не нападаешь, хотя мог бы его скрутить в бараний рог!

- Я бы охотно стал сотрудничать и без этих пыток, без рассказов про Гурченко и Плисецкую! Зачем Лидии Григорьевне было говорить, что Ада - наркоманка?! Зачем было меня пугать до полусмерти?! Зачем эти манипуляции с гробами?

- Ну, извини, всё не считаешь! Хочешь, чтобы специально под тебя разрабатывали сценарий? Экспромт лучше, чем отрепетированный спектакль, так всё естественнее выглядит. Хотя, бывают и грубые ошибки. Где их не бывает! У нас для каждого случая своя легенда - так веселее! А манипуляция с гробом была для мамы лично - она с этими страховочными деньгами теперь пойдёт по другим чинушам, очередные взятки давать, чтобы хорошенько жучили местных страховиков, ведь далеко не каждая контора добровольно с денежками расстаётся, далеко не каждая!

- А остальной спектакль был ради моей вербовки?

- Угадал!

- И многих вы завербовали?

- Пока тайна...

Павлик ещё что-то говорил, но Гаррик уже не так внимательно слушал. Он вдруг вспомнил, что ему покойница всегда казалась ненастоящей. Так значит, она его проверяла, притворяясь мёртвой, подглядывала!

Лидия Григорьевна вошла в комнату тихонько, совершенно незаметно. На ней был уже другой немыслимый наряд в стиле "haute couture".

- Гарри, я хочу вам объяснить, зачем я всё это затеяла. Мой проект - образец поведения для других. Ведь зрители, приходящие на показы мод не собираются в точности копировать наряды, им важна идея! Кстати, зарплата ваша с сегодняшнего дня учетверяется! Я лично спонсирую этот проект, так как больше ПОКА никому.

- А если я не стану с вами сотрудничать?

- Тогда мы вашей маме наябедничаем!

Старуха подмигнула Павлику, и тот вынул из спортивной сумки, стоящей на полу, видеокамеру. Затем он показал Гаррику компрометирующие его кадры - те, где он пытается помочь Лидии Григорьевне молнию расстегнуть, где наклоняется над ней лежащей, где Ада валяется с ним на постели и, наконец, где фигурирует свежеподписанное брачное свидетельство с весьма рарборчивой подписью... Вот это шантаж! Тайным жиголо быть гораздо легче, чем каждый день от мамы выслушивать...

- У вас в особнячке и видео наблюдение имеется?

- А как же!

- Не знаю что сказать... Зачем мне вся эта ваша... игра?

- Вся наша жизнь игра! - воскликнула бывшая покойница. - И потом, не забываете, зарплата будет "ого-го"!

Она снова подмигнула Павлику, а тот закивал, как китайский болванчик.

- Ладно, согласен! Но мне, всё-таки, не очень-то понятно, как долго вы собираетесь хранить эту тайну. Думаю, вас очень скоро разоблачат!

Лидия Григорьевна глянула на него, как на самого тупого пасынка из всех, кого ей приходилось усыновлять:

- И жизнь закончится, и очень скоро, не волнуйтесь! Но зато как приятно будет умирать, зная, что давал хорошие идеи, что приносил пользу людям! Обожаю новые идеи! Обожаю haute couture!